

ция были высоки (без них просто невозможно было обойтись). О последнем свидетельствуют не только восторженные и сочувственные отзывы современников, но и необъяснимое иначе многократное осмеяние в эпиграмме и сатире самого жанра, а также сочинителя эпитафий, которое исчезает из русской эпиграммы к середине XIX в. вместе с перемещением эпитафии на периферию литературы.

Два названных дополнительных направления исследования эпитафии должны преследовать одну цель — воссоздание исторического контекста, ныне забытого, в котором проходило развитие жанра. Только тогда и будет возможно изучение художественной природы эпитафии с точки зрения сложного переплетения и взаимодействия литературы и действительности, растворения эстетического во внеэстетической реальности. Подобный подход, однако, вовсе не исключает эпитафию из собственно литературной сферы — напротив, он покажет ее действительное место в системе поэтических жанров XVII—начала XIX в. и тесную связь с одой и элегией.

используя приемы «высокого» искусства и не принадлежа ни к тому, ни другому. Одной из главных характеристик примитива оказывается его пограничное положение» (*Софронова Л. А. Проблемы художественного примитива на польской сцене XVII—XVIII вв. // Советское славяноведение. 1983. № 3. С. 79—80*).